

М. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ

СЕВАСТОПОЛЬЦА

И

КАВКАЗЦА.

—» ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ. «—

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу учреждений
Вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Аригольда, Литейный проспектъ, № 59.

1913.

109
726
= М. Б. =

ВОСПОМИНАНІЯ

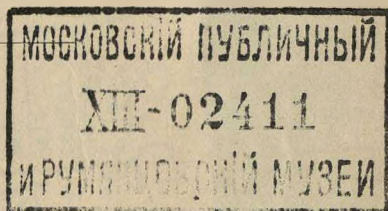
СЕВАСТОПОЛЬЦА

И

КАВКАЗЦА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Весь сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу учреждений
Вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнольда, Литейный проспектъ, № 59.

1913.

2013041478

Г Л А В А 1.

Мнѣ было 13 лѣтъ, а брату моему, Льву — 15, когда отецъ повезъ насъ изъ г. Николаева въ Петербургъ, въ морской кадетскій корпусъ. Ъхали мы въ старомодной большой каретѣ; путешествіе это было въ тѣ времена не малое. Добравшись, наконецъ, до Петербурга, мы оба выдержали экзаменъ и поступили въ корпусъ, гдѣ пробыли только 3¹/₂ года. Въ тогдaшнее время было еще больше въ обычаѣ, чѣмъ теперь, приставать къ новичкамъ, и намъ досталось не мало, такъ, напр., насъ долго дразнили за то, что мы съ братомъ называли другъ друга Лева и Миша. Содержаніе въ корпусѣ было хорошее, но не всѣ воспитатели были на высотѣ своего положенія; довольно часто бывали исторіи, кончавшіяся трагически. Помню, разъ шесть человѣкъ были разжалованы въ солдаты и отправлены въ Оренбургскіе батальоны. Впослѣдствіи я встрѣтился съ однимъ изъ нихъ, Калугинымъ, въ Севастополѣ, куда онъ прибылъ, чтобы во время войны выслужиться въ офицеры. Нашей ротѣ за какой-то важный проступокъ были сняты погоны. Никогда не забуду этой минуты, когда величественный Государь Николай Павловичъ, войдя къ намъ въ роту, гнѣвно назвалъ насъ бурлаками.

Я былъ лѣво-фланговымъ, очень маленькаго роста. Однажды Государь посѣтилъ корпусъ и обходя ряды вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его прусскимъ принцемъ, указалъ ему на меня со словами: «Das hat einen Kopf», а потомъ осторожно потянулъ меня за ухо кверху, говоря «надо расти».

Въ 1852 году (мнѣ было 16 лѣтъ, а брату моему 18) мы были выпущены изъ корпуса мичманами и поступили въ офицерскіе классы. Но какъ только обострились отношенія Россіи съ Турціей, мы просили объ откомандированіи насъ въ Черноморскій флотъ.

Назначенные, я — въ 31-й, а братъ — въ 37-й флотскій экипажи, мы отправились изъ Петербурга на перекладныхъ въ Николаевъ, мѣстопробываніе главнаго командира. Черезъ нѣкоторое время, уже передъ самымъ объявленіемъ войны, адмиралъ Корниловъ взялъ насъ съ собой въ Севастополь на пароходъ «Владимиръ». Прослуживъ болѣе 50 лѣтъ, я до сихъ поръ вспоминаю, какъ въ то время въ Черноморскомъ флотѣ была въ силѣ поговорка: «служба службой, а дружба дружбой», и какъ благодаря Лазареву, котораго слѣдуетъ считать законченнымъ типомъ организатора и воспитателя, въ каждомъ изъ насъ развивались самостоятельность и разумная дисциплина. Адмиралъ Лазаревъ умѣлъ выбирать въ мирное время такихъ людей, которые во время войны показали себя героями и начальниками съ характеромъ; они же, въ свою очередь, выбирали подобныхъ себѣ, — такъ создалась сила и слава Черноморскаго флота. Не разъ мнѣ приходилось слушать теоретическое разсужденіе, что война родитъ героевъ; да, она родитъ героевъ, но поздно; во время войны они будутъ занимать не тѣ должности, на которыхъ могли-бы сдѣлать многое для дѣла!

Адмиралъ Лазаревъ не стѣснялся говорить правду Государю Николаю Павловичу и, въ свою очередь, любилъ выслушивать правду и отъ другихъ. Эта правда укрѣпляла въ начальникахъ самостоятельность, а на войнѣ безъ такихъ людей и шагу не сдѣлаешь. Приступая къ изложенію оставшихся у меня въ памяти событій славной обороны Севастополя, я долженъ оговориться, что буду касаться только тѣхъ эпизодовъ, въ которыхъ или самъ участвовалъ или о которыхъ тогда же слышалъ отъ очевидцевъ.

Въ Севастополѣ жилось всѣмъ очень весело. Грустныхъ физиономій совсѣмъ не было видно. При скромныхъ требованіяхъ того времени нужды никто не испытывалъ, а если у кого нибудь и заводились долги, то они уплачивались послѣ службы на судахъ, крейсировавшихъ около кавказской береговой линіи, когда выдавалось двойное содержаніе, а расходы были самые ничтожные. Капитанъ нашего корабля Б. былъ человѣкъ пожилой и очень рѣдко ходилъ по палубамъ. Но два раза въ году онъ прохаживался, какъ это называли «тифономъ», и тогда онъ сѣлъ направо и налево; мы находились въ отрядѣ изъ 6-ти большихъ кораблей, которые искали турецкую эскадру, намѣревавшуюся высадить десантъ на Кавказъ. Во время шторма много судовъ потерпѣли аваріи, въ томъ числѣ и нашъ корабль получилъ такую, которая по закону требовала итти въ портъ для исправленія. Когда буря утихла, несмотря на всѣ наши просьбы отвѣтить на адмиральскій сигналъ, что можемъ держаться въ морѣ, имѣя въ виду, что завтра, послѣ-завтра мы атаковали-бы турецкій флотъ, скрывавшійся въ Синопѣ, командиръ корабля отвѣтилъ сигналомъ, что держаться въ морѣ не можетъ и мы возвратились въ Севастополь. Такимъ образомъ мы лишились славы участвовать въ Синопскомъ бою.

Въ началѣ моей службы меня, однажды, послали на двух-весельной шлюпкѣ «Тузь» съ евреемъ-писаремъ за приказаніями на флагманскій корабль. Править шлюпкой я не умѣлъ, она скоро опрокинулась и мы очутились въ водѣ; писарь-еврей началъ кричать на весь рейдъ «ратуйте», я-же видя, что въ это время происходитъ шлюпочное ученье и потонуть намъ не дадутъ, началъ бранить его, хотя застегнутая на крючекъ шинель очень мѣшала мнѣ плыть. Дѣйствительно, вскорѣ подоспѣли шлюпки, взяли насъ и доставили на корабль «Храбрый», командиръ котораго, капитанъ перваго ранга Б., зная, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ чуть не потонувшій, встрѣтилъ меня словами: «какъ вамъ не стыдно не умѣть управлять шлюпкой». Въ ожиданіи войны по-

стоянно велись разговоры о храбрости и мужествѣ. Я говорилъ, что если мнѣ придется умирать, то умру совершенно спокойно. Лейтенантъ Троицкій, страшный спорщикъ, говоритъ: «нѣтъ, не умрешь спокойно! Вотъ, возьми фаль (веревка на блокъ) и повѣсься».

— Грѣшно себя убивать, если хочешь, повѣсь меня самъ, отвѣчалъ я ему.

«Хорошо, изволь», и съ этими словами надѣлъ мнѣ на шею фаль и началъ за другой конецъ меня подтягивать. Я приподнялся на носки, потомъ, видя, что онъ продолжаетъ тянуть, сказалъ: «смотри, Троицкій, я не закричу», но онъ, все-таки, тянулъ веревку и я потерялъ сознание. Когда онъ отпустилъ меня и позвали доктора, оказалось, что еще немного и все было-бы кончено. Это происходило въ то время, когда многіе собирались ѣхать на пикникъ, вслѣдствіе чего скоро весь Севастополь узналъ объ этомъ случаѣ и всѣ согласно говорили: вотъ два дурака. Впослѣдствіи Троицкій былъ убитъ и своей геройской смертью доказалъ, что умѣлъ смѣло распоряжаться не только чужой жизнью, но и своею.

Между тѣмъ, боевая гроза надвигалась къ Севастополю все ближе и ближе, насъ стали формировать въ батальоны и свозить на берегъ для ученій. Строились тогда въ три шеренги. Первая шеренга была съ ружьями, вторая съ интерпелями (топоры) и третья съ пиками. Настроение было въ высшей степени приподнятое, враговъ не боялись. Помню, мнѣ рассказывали, что за однимъ военнымъ обѣдомъ генералъ К. произнесъ тостъ за присутствовавшего участника 12 года: «За здоровье ветеринара такого-то!» и когда адъютантъ, подбѣжалъ сказать ему, что это называется «ветеранъ», то генералъ К. разсердился и громко сказалъ: «что вы меня учите, я лучше васъ знаю», и еще разъ повторилъ «за здоровье ветеринара такого-то». Всѣ тогда выражали увѣренность, что забросаемъ непріятеля шапками. Одинъ только Николай Ми-

хайловичъ Соковнинъ, который очень часто, командуя пароходомъ, бывалъ за границей, не поддавался всеобщему настроенію и приводилъ пословицу— «сердить да не силенъ». Событія показали, что онъ былъ дальновиднѣе и болѣе знакомъ съ истиннымъ положеніемъ. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, совершилась высадка союзниковъ. 2-й морской стрѣлковый батальонъ, въ которомъ я состоялъ, былъ направленъ къ Альмѣ. Когда мы шли туда, я живо помню, какъ насъ обогнала коляска и Корниловъ, поздоровавшись съ людьми, сказалъ: «отъ вашего перехода зависитъ попасть въ дѣло». Мы напрягли всѣ усилія, конечно, чтобы поспѣть, но подходя къ Альмѣ съ удивленіемъ увидѣли вдали красные мундиры англичанъ. Оказалось, что сраженіе нами проиграно и союзники заняли нашу позицію. Намъ-же долго все не вѣрилось, что дѣло проиграно. Встрѣтившійся намъ солдатъ весь въ пороховомъ дыму, облокотившись на ружье съ досадой сказалъ: «шпицера насъ допекли» (т. е. штуцера). Мы же все продолжали идти, пока какой-то адъютантъ не подѣхалъ и не сказалъ: «возвращайтесь въ Севастополь, дѣло проиграно».

Тутъ я воочію увидѣлъ, насколько трудно сохранить хоть какой-нибудь порядокъ при отступленіи. Пѣхота, артиллерія отступали, не зная куда. На мосту все это столпилось и только раздавались слова: «именемъ Его Величества пропустите артиллерию».

Если бы союзники преслѣдовали насъ, къ чему они имѣли возможность даже при недостаткѣ кавалеріи, то произошелъ бы полный разгромъ. Повернувъ обратно, мы ночью пришли на Бельбекъ и утомленные расположились въ фруктовыхъ садахъ у костровъ. Не сразу мы уяснили себѣ значеніе проиграннаго сраженія подъ Альмой; только черезъ нѣсколько дней, когда насъ собрали на Графскую пристань, намъ все стало ясно. Мечтанія забросать непріятеля шапками смѣнились угнетеннымъ состояніемъ духа.

На извѣстномъ совѣтѣ подѣ председательствомъ Корнилова, вопреки его мнѣнію, было рѣшено потопить корабли.

Слезы текли у насъ, моряковъ, когда стрѣляли въ корабль «Трехъ Святителей», который долго не хотѣлъ опускаться на дно моря.

Въ ожиданіи нападенія на сѣверную сторону, мы заняли сѣверное укрѣпленіе и работа по оборонѣ закипѣла. Черезъ нѣсколько дней, съ переходомъ союзниковъ на южную сторону и мы перешли туда. Весь нашъ оставшійся отъ потопленія флотъ расположился у сѣверной стороны лѣвыми бортами къ южной. Вспоминая положеніе дѣлъ въ то время и несмотря на то, что Севастополь былъ плохо укрѣпленъ, я не могу согласиться съ мнѣніемъ Тотлебена, который выразился, что союзники могли войти въ Севастополь «какъ ножикъ въ масло». Защитниковъ, кромѣ 8 резервныхъ батальоновъ, было еще слишкомъ 20 тысячъ матросовъ, да какихъ! Оставшійся флотъ, еще бывшій въ полномъ вооруженіи и цѣлости, осыпалъ бы непріятеля бомбами, да и руководство охраной Севастополя было ввѣрено избранникамъ безсмертнаго Лазарева: всѣ вдохновились однимъ желаніемъ защищаться во что бы то ни стало, смерть не страшила никого. При такихъ условіяхъ, нападеніе союзниковъ было рискованно, что они очевидно и сознавали, зная, что остатки нашей арміи не отошли къ Севастополю, а сдѣлали фланговое движеніе.

Я продолжалъ служить во 2-мъ морскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, который занималъ на оборонительной линіи Корабельную бухту. 4-го октября я былъ назначенъ состоять при контръ-адмиралѣ Истоминѣ на Малаховомъ курганѣ. Разсчитывая на другой день явиться къ Истомину, я провелъ ночь въ Корабельной бухтѣ.

Проснувшись рано утромъ, 5 октября, я услышалъ гулъ начавшейся бомбардировки. Торопливо одѣвшись, я побѣжалъ явиться своему новому начальнику. По дорогѣ уже стали попа-

даться снаряды, падавшіе все чаще и чаще. Не доходя кургана, я увидѣлъ лежавшаго безъ ногъ капитана 2-го ранга Скоробогатскаго. Я поблѣднѣлъ, но продолжалъ бѣжать. Добѣжавъ до каменной башни на Малаховомъ курганѣ, я остановился за нею, перекрестился и сказавъ себѣ: «вѣдь нужно же явиться», подошелъ къ Истомину. Онъ стоялъ за валомъ батареи, стрѣлявшей безъ умолку. Около него никого не было, кромѣ офицеровъ и прислуги батареи, которые были заняты каждый своимъ дѣломъ; остальные же всѣ остались тамъ, гдѣ ихъ застала бомбардировка. Снарядовъ непріятельскихъ выпускаемо было такое множество и они падали такъ часто, что, казалось, можно было стоять только за укрѣпленіями, а сообщеніе между ними прервано. Самъ Истоминъ, ходя взадъ и впередъ за валомъ и нервно потирая руки, говорилъ скороговоркой: «надо барабанщика, надо барабанщика», но послать за нимъ не рѣшался... Стоя около него, я раздумывалъ сказать ему, что я знаю, гдѣ барабанщикъ и что я его приведу, или не говорить. Наконецъ, я рѣшился и сказалъ: «позвольте, ваше превосходительство, привести вамъ барабанщика». Онъ разрѣшилъ, барабанщикъ былъ приведенъ и въ то время какъ онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Истомина, ему ядромъ оторвало голову и забрызгало кровью лобъ Истомина, который вынулъ платокъ, обтерся и сказалъ: «Вотъ славная смерть!» Неизгладимое впечатлѣніе сдѣлала на меня эта смерть и главное слова и спокойствіе Истомина. Я созналъ тогда, что въ такія минуты все зависитъ отъ начальника, — всѣ на него смотрятъ, — и онъ или дѣлаетъ людей спокойнѣе, храбрѣе, или обратно. Не могу забыть и того, какъ ободрительно подѣйствовали на меня слова Истомина, тутъ же имъ сказанные: «Ну..., (онъ любилъ ругаться) пусть они стрѣляютъ сколько угодно». Весь этотъ день, такъ какъ я одинъ оставался въ распоряженіи Истомина, провелъ въ непрерывной работѣ: бѣгалъ въ пороховые погреба, распоряжался по подвозкѣ снарядовъ и

исполнялъ другія приказанія, все пѣшкомъ, такъ какъ лошади не было.

Къ вечеру бомбардировка смолкла, всѣ начали собираться къ башнѣ. Изнуренной прислугѣ у орудій предложили смѣну, но она на-отрѣзъ отказалась...

Проснувшись на другое утро, я едва могъ двигаться отъ усталости, которой наканунѣ совсѣмъ не чувствовалъ. Отдыхать же было некогда, бомбардировка возобновилась съ новой силой.

Тогда же помню, большое впечатлѣніе произвелъ на меня монахъ, кажется Іоанникій, и одинъ изъ арестантовъ, которыхъ тогда выпустили. Монахъ шелъ съ крестомъ вдоль батарей, не обращая вниманія на выстрѣлы. Я подошелъ къ Истомину сказать, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на людей, если его убьютъ. «Никакой чортъ его не возьметъ», отвѣтилъ мнѣ Истоминъ. Арестантъ подвозилъ бомбы на подводѣ, запряженной волами. При каждомъ выстрѣлѣ онъ нагибался, приговаривая однако: «ничего, ничего, не бойся».

Пороховые погреба тогда были самаго примитивнаго устройства — изъ балоковъ и досокъ, засыпанныхъ сверху землей. Однажды подбѣгаетъ ко мнѣ запыхавшись какой-то матросъ и говорить: «ваше благородіе, погребъ горитъ». Я тотчасъ-же доложилъ объ этомъ Истомину, на что получилъ отвѣтъ: «ну, вотъ тебѣ случай отличиться — ступай и потуши». Я взялъ нѣсколько матросовъ, бросился съ ними и засталъ слѣдующую картину: погребъ былъ полонъ дымомъ, рогожи, которыми покрывали ящики, были осыпаны искрами (къ счастью еще, что порохъ хранился въ морскихъ ящикахъ). Безъ всякихъ приказаній каждый спѣшилъ дѣлать свое дѣло, хватали загорѣвшіяся рогожи, топтали ихъ и тушили землей, за отсутствіемъ воды. Намъ удалось предупредить взрывъ и затѣмъ перенести всѣ ящики за валъ одной изъ батарей. Вообще, оцѣнивая личное поведеніе и степень храбрости защитниковъ, считаю нужнымъ привести свое наблюденіе,

что въ данномъ случаѣ, какъ и вѣроятно всегда на войнѣ, выдѣлилось три типа людей. Одни побѣдили сразу въ себѣ чувство самосохраненія и, ставъ молодцами, оставались ими до конца; другіе не скоро могли побѣдить въ себѣ это чувство, но, пообвыкнувъ въ концѣ-концовъ, становились такими же молодцами, и третьи, позволю себѣ такъ ихъ назвать, — люди коммерческіе, съ расчетомъ, которые, нахватавши орденовъ, подумывали уже о сохраненіи своей жизни. Были, наконецъ, и другіе, правда, въ самомъ ничтожномъ количествѣ, составлявшіе лишь исключеніе. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось видѣть одного изъ таковыхъ, Н, который падалъ и отъ своего и отъ чужого выстрѣла. Истоминъ сказалъ про него: «если понадобится, привязать его къ нулкѣ!»

Въ первый же день бомбардировки, 5 октября, во время самого сильнаго огня, прибылъ къ намъ на Малаховъ курганъ Корниловъ съ большой свитой. Обѣзжая линію, онъ остановился и сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, затѣмъ слѣзъ съ лошади и пошелъ по батареямъ въ сопровожденіи Истомина и свиты. Возвращаясь назадъ, онъ распростился съ Истоминимъ, который остался у батареи и уѣхалъ. Минуту спустя, а можетъ быть и меньше, мы услышали крикъ «начальникъ штаба раненъ». Всѣ бросились къ тому мѣсту, откуда былъ слышенъ крикъ и увидѣли Корнилова лежащимъ на землѣ почти съ оторванной ногой. Мы осторожно его приподняли и поднесли къ валу, гдѣ было безопаснѣе. Я слышалъ, какъ онъ тихо произнесъ: «Легче, легче — ногу»... я вскочилъ на его лошадь и поѣхалъ на перевязочный пунктъ за докторомъ. Докторъ сказалъ, что въ такомъ мѣстѣ онъ ничего не можетъ сдѣлать, а потому героя Корнилова и перенесли на перевязочный пунктъ.

На слѣдующій день онъ умеръ при обстоятельствахъ, подробно уже описанныхъ и всѣмъ извѣстныхъ. Спустя нѣкоторое время, со мной приключился такой случай. Возвращаясь однажды изъ города, куда былъ посланъ за паролемъ, я, чтобы выиграть

время, прямо поѣхалъ на мостъ изъ судовъ, наведенный черезъ Южную бухту. Ночь была темная, съ моря дулъ сильный вѣтеръ, почти штормъ. Едва я въѣхалъ на мостъ, какъ услышалъ голосъ матроса, который удерживалъ доски, наложенныя на суда: «куда ѣдешь, нельзя ѣхать!» Какое тебѣ дѣло, отвѣтилъ я ему, и не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ я уже былъ въ водѣ вмѣстѣ съ лошадыю. Освободивъ ноги изъ стремянъ, я поплылъ, схвативъ одну доску, и меня понесло вдоль бухты. У страха глаза велики. Я громко закричалъ: «съ корабля Игуділа шлюпку» и мнѣ все казалось, что шлюпка идетъ. Осторожно, чтобы не выпустить доску, сталъ я снимать большіе сапоги; съ такою же осторожностью снялъ солдатскую шинель, когда же меня стало выносить уже на рейдъ, то я, бросивъ доску, поплылъ къ Павловскому мыску, и плылъ до тѣхъ поръ, пока руками не схватился за землю. Вставъ на ноги и дѣлая нѣсколько шаговъ, я падалъ, отъ усталости или волненія, — объяснить не могу. Дойдя въ такомъ видѣ до батареи Павловскаго мыска, я вошелъ въ батарею, гдѣ капитанъ 2-го ранга Спицынъ и офицеры раздѣли меня, положили на кровать и каждый набрасывалъ на меня шинель, такъ какъ я очень прозябъ и у меня невольно вырывались громкія несвязныя слова. Между тѣмъ, на Малаховомъ курганѣ меня считали уже погибшимъ и распорядились перемѣнить пароль, который я везъ съ собой. Братъ мой, мичманъ, искалъ меня всю ночь и утромъ уже рѣшился сказать отцу, что я утонулъ. По счастью, онъ встрѣтилъ офицера, который направилъ его на батарею Павловскаго мыска, гдѣ онъ и нашелъ меня. Черезъ нѣсколько дней братъ мой, который мечталъ во что бы то ни стало получить Георгія, отправился на знаменитую вылазку съ 4-го бастіона подъ начальствомъ полковника Головинскаго, во время которой были взяты 10 непріятельскихъ мортиръ. Возвращаясь уже обратно, онъ былъ смертельно раненъ пулей и чрезъ 10 дней умеръ на рукахъ у нашей старой нянюшки, любившей насъ, какъ

собственныхъ дѣтей. Это былъ типъ стараго беззавѣтно преданнаго слуги, типъ котораго теперь и въ поминѣ нѣтъ. Во время войны она поселилась въ Севастополѣ и когда мы бывали тамъ, то она, провожая насъ обратно на батареи, подолгу на колѣняхъ молилась за насъ Богу. Тѣло брата она, несмотря на разрѣшеніе отца, не дала врачамъ анатомировать. Съ отчаяніемъ и негодованіемъ закричала она на нихъ: «вонъ, головорѣзы! не умѣли вылѣчить, а теперь хотите потрошить».

10-го октября, возвращаясь изъ города, я подѣхалъ къ батарее на Малаховомъ курганѣ и сталъ разговаривать съ офицерами. Вдругъ слышу: «слѣзай скорѣй съ коня». Только что я успѣлъ соскочить, какъ послѣдовалъ сильный взрывъ. Это взорвало тѣ ящики, которые мы изъ погреба поставили за валы батарей. Меня подняло на воздухъ и я упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ на землю безъ памяти. Послѣдняя моя мысль при лишеніи сознанія была—какъ спокойно человѣкъ умираетъ. Очнувшись, я приподнялся. Все мое платье было въ клочкахъ, что и возбудило смѣхъ, когда я проходилъ мимо батарей. Я былъ обожженъ, но сравнительно легко. Изъ праваго уха показался гной, нервы требовали отдыха и я ушелъ въ городъ, гдѣ и прожилъ 10 дней, чтобы оправиться. Весь штабъ Истомина въ тотъ день пострадалъ. Одинъ саперный офицеръ былъ такъ обожженъ, что представлялъ изъ себя сплошной кусокъ краснаго мяса. Онъ въ скорости умеръ. Возвратившись опять на Малаховъ курганъ, вижу я, однажды, какъ 10 пластуновъ ведутъ 6 англичанъ, связанныхъ по три за руки веревочками. Одѣты они были въ красные мундиры безъ брюкъ и сапогъ. Пластуны эти были въ цѣпи и захватили англичанъ въ плѣнъ. Когда я доложилъ Истомину, что слѣдовало бы имъ возвратить ихъ одежду, пластуны поспѣшно заявили: «никакъ нѣтъ, они такъ и были голенькіе». Помню, какъ заранѣе можно было сказать, что вылазка съ Малахова кургана, которая была сдѣлана по распоряженію Тотлебена, окон-

чится неудачей. Непріятелю отлично было видно, что у насъ собираются войска, которыя къ тому же медлили выступать, ожидая 19 человѣкъ конныхъ. Разумѣется, послѣ большой потери и ничего не достигнувъ, наши принуждены были отступить. Живо также помню какъ 24 октября Тотлебенъ схватилъ часть гарнизона съ Малахова кургана и послалъ прикрывать артиллерію, которая была брошена послѣ сраженія подъ Инкерманомъ. Въ это же время онъ поручилъ мнѣ проводить двухъ Великихъ Князей съ Малахова кургана въ Севастополь.

По смерти брата моего, адмиралъ Новосильскій взялъ меня состоять при себѣ и я съ Малахова кургана перешелъ на 4-й бастионъ, отъ котораго французскія траншеи были въ 70 шагахъ.

Въ это время помню случай невѣроятный, если бы не былъ самъ тому свидѣтелемъ. Ядро, ударившись въ валъ батареи, перекатилось и упало на спину матросу, стоявшему наклонившись и не причинило ему никакого вреда. Въ этомъ же родѣ былъ случай и со мной. Возвращаясь изъ Севастополя на 4-й бастионъ, слышу, что летитъ снарядъ, я остановился. Снарядъ упалъ отъ меня шагахъ въ двадцати, тридцати, разорвался и осколокъ плашмя ударилъ меня въ правое плечо. Я почувствовалъ боль, но послѣдствій никакихъ. Какъ-то разъ, французскій офицеръ, желая, вѣроятно, вымѣрить ровъ и натолкнувшись на кого-то, ночь была темная, — бросился по ошибкѣ въ амбразуру; часовому, увидѣвшему француза, представилось, что это начало штурма и онъ открылъ пальбу, которая была принята по всей линіи. Затѣмъ, когда увидѣли ошибку и пальба постепенно прекратилась, солдатъ съ досады побилъ француза. Когда я подошелъ къ нему, нужно было видѣть негодованіе послѣдняго.

Идя однажды въ городъ, я встрѣтилъ главнокомандующаго Горчакова, который шелъ одинъ, безъ свиты, на 4-й бастионъ. Я тотчасъ же хотѣлъ дать знать объ этомъ адмиралу Новосильскому, но Горчаковъ остановилъ меня, говоря: «веди, веи меня

на батарею». Когда онъ подошелъ къ батарее, то сѣлъ и сказалъ: «жарко у васъ»—въ этотъ день была бомбардировка. На 4-мъ же бастіонѣ было мѣсто, мимо котораго нужно было проходить къ бульвару и пока, бывало, дойдешь, то засѣвшіе въ ближайшихъ траншеяхъ французскіе стрѣлки, успѣвали дѣлать до десяти выстрѣловъ и вотъ на этомъ мѣстѣ любопытно было наблюдать, какъ генералы и офицеры проходили—одни спокойно, съ достоинствомъ, другіе бѣжали, иногда приподнимая фалды, чтобы поскорѣе спрятаться въ траншею. Когда началась бомбардировка, я говорилъ, что она будетъ продолжаться три дня, но со всѣхъ сторонъ слышалось: «Ну, это невозможно», никто не могъ себя представить, чтобы можно было выдержать долго такой ужасный орудійный огонь, который по силѣ впечатлѣнія нельзя и сравнивать съ ружейнымъ, хотя отъ послѣдняго убыль и больше. А между тѣмъ, первая бомбардировка длилась восемь дней, а послѣдующія еще больше.

Въ Черноморскомъ флотѣ начальники, надо сказать, вообще были на высотѣ своего положенія, сознавали это и были терпимы къ критикѣ; отъ этого дѣло только выигрывало. Въ бесѣдахъ въ Севастополѣ не стѣснялись обсуждать распоряженія князя Меншикова и легкомысленные люди называли его даже измѣнникомъ, что, конечно, не могло не дойти до него. Князь Меншиковъ встрѣтившись однажды на Графской пристани съ моимъ отцомъ, сказалъ ему: «говорятъ, что Рагланъ (главнокомандующій англійской арміей) меня купилъ». На что отецъ отвѣтилъ ему—«ваша свѣтлость гораздо богаче Раглана и скорѣе вы его можете купить».

Меншиковъ безспорно былъ умный, тонкій и образованный человекъ, но какъ теоретикъ, не понималъ значенія хорошо организованнаго штаба, не умѣлъ выбирать начальниковъ, не придавалъ значенія нравственному элементу въ войскахъ и даже не умѣлъ поздороваться съ солдатами. Слѣдствіемъ всего этого было

отсутствіе порядка и всёмъ вообще было тяжело служить—распоряженія бывали мудрены и шли какъ-то скачками.

Морскую службу я очень любилъ, но продолжать ее не могъ—меня страшно укачивало, а это болѣзнь нестерпимая. Поэтому, когда по порученію Великаго Князя Константина Николаевича прибылъ въ Севастополь Мансуровъ съ тѣмъ, чтобы войти и по возможности удовлетворить нужды моряковъ и обратился съ вопросомъ ко мнѣ, я отвѣтилъ, что не могу продолжать службу во флотѣ и былъ бы счастливъ перейти въ Финляндскій полкъ, гдѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ шефомъ. Просьба моя была исполнена и я былъ переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ.

ГЛАВА II.

Службу свою въ гвардіи до перехода на Кавказъ я описывать не буду, такъ какъ она обыкновенна и заурядна, а перейду прямо къ Кавказу, куда я былъ назначенъ для особыхъ порученій къ фельдмаршалу князю Барятинскому, а затѣмъ перешелъ къ Великому Князю Михаилу Николаевичу. Насъ всѣхъ прикомандированныхъ, а въ особенности адъютантовъ, называли фазанами. Полюбопытствовавши однажды узнать, какими свойствами отличается эта птица, я досталъ книгу и прочиталъ въ ней, что фазанъ птица глупая, храбрится, когда опасности нѣтъ. Хотя мы участвовали во многихъ экспедиціяхъ при покореніи праваго фланга, но прикомандировывали насъ всегда на короткое время, на мѣсяцъ, на два, представляли насъ къ наградамъ и намъ не приходилось переносить такихъ изъ ряда выходящихъ трудовъ, какъ строевымъ, а потому нѣкоторые изъ насъ дали себѣ слово умышленно подвергать себя опасностямъ, чтобы хоть этимъ отчасти сгладить неравенство.

Опишу теперь случай, какъ я вынужденъ былъ драться на дуэли. Возвращаясь разъ съ Черноморской линіи на пароходѣ, я по просьбѣ дамъ телеграфировалъ, чтобы удержать весь дилижансъ, шедшій отъ станціи Ораири въ Кутаисъ. Выйдя съ парохода на станцію, я услышалъ шумъ и споръ между однимъ полковникомъ путей сообщенія и содержателемъ дилижанса. На вопросъ мой, въ чемъ дѣло, содержатель отвѣтилъ, что полковникъ требуетъ себѣ дилижансъ, несмотря на его заявленіе, что

дiligenсь занять. Я самъ повторилъ это полковнику, на что онъ сказалъ: въ такомъ случаѣ съ вашей стороны спекуляція. «Если такъ,—отвѣтилъ я,—то я ѣду на перекладныхъ». Мы выѣхали со станціи одновременно. Все время во мнѣ что-то кипѣло и какъ только остановились перепрягать лошадей, я, будучи уже совершенно разгоряченнымъ, обратился къ полковнику со словами: «Вы сказали, что съ моей стороны была спекуляція, я требую, чтобы вы признали это за послѣдствіе хорошаго обѣда». И не давъ ему даже ничего отвѣтить, добавилъ: «да что тутъ разговаривать, становитесь, я стану противъ васъ на 5 шаговъ—стрѣляйте, а промахнетесь, такъ я промаху не дамъ». Тутъ же я обратился къ полковнику К—скому и чиновнику Б—му, прося ихъ быть секундантами. Они на мои условія не согласились—разстояніе должно было быть не менѣе 10 шаговъ. Отмѣрили 10 шаговъ и я сталъ противъ своего противника. Полковникъ К. говоритъ мнѣ: «станьте бокомъ». «Не хочу», отвѣтилъ я, «пусть стрѣляетъ». Противникъ навелъ пистолетъ, выстрѣлилъ и пробивъ сюртукъ около сердца, гдѣ по счастью было портъ-монэ, контузилъ мнѣ лѣвую руку. Секунданты бросились ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы ранены?»—«Нѣтъ», отвѣтилъ я, и тутъ же почувствовалъ какое-то спокойствіе и, такъ сказать, изъ звѣря превратился въ человѣка. Я навелъ пистолетъ, а выстрѣлилъ въ сторону. Полковникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «надѣюсь, это останется между нами». «Какъ вамъ угодно, мнѣ все равно», отвѣтилъ я. Но я, конечно, долженъ былъ рассказать объ этомъ своему начальнику, который сказалъ на это: «охъ, ты какой» и добавилъ «я объ этомъ ничего не знаю».

Для окончательнаго покоренія праваго фланга готовили десантъ, никакъ не предполагая, что Евдокимовъ успѣетъ самъ справиться. Хотя я, возвратясь изъ экспедиціи на правомъ флангѣ, докладывавалъ начальнику штаба, что война будетъ окончена ранѣе десанта, но словамъ моимъ не придали значенія. Двѣ роты были

посажены на пароходъ «Тигръ» и Великій Князь со штабомъ прибыли изъ Поты въ Сочи, гдѣ «Тигръ» и бросилъ якорь. Графъ Евдокимовъ и Гейманъ перешли хребетъ. Оба они, какъ только пароходъ остановился, сѣли на казенный баркасъ съ тѣмъ, чтобы явиться на «Тигръ» Его Высочеству. Но прибой былъ такъ силенъ, что они, за невозможностью, отказались отъ своего намѣренія. Тогда Великій Князь, которому было очень интересно знать, что у нихъ дѣлается, приказалъ состоявшему при немъ капитану I-го ранга Обезьянинову поѣхать на берегъ на шлюпкѣ, спущенной съ «Тигра». Черезъ нѣкоторое время онъ возвратился и доложилъ Великому Князю, что прибой такъ силенъ, что невозможно доѣхать до Сочи. Услыхавъ это, я попросилъ позволенія Его Высочества поѣхать на берегъ на одной изъ турецкихъ фелюкъ, державшихся тутъ же у «Тигра». «Поѣзжай»,—отвѣтилъ Великій Князь,—«но ты уже два раза тонулъ и я твою душу на свою отвѣтственность не беру». Я сѣлъ въ фелюку, которая, подѣвжая къ береговому прибою, очень ловко повернулась носомъ въ море и ее выбросило вмѣстѣ съ нами на берегъ. Тамъ насъ подхватили и вытащили. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось опять встрѣтиться съ тѣмъ самымъ офицеромъ, Бетаки, который тогда меня вытаскивалъ на берегъ. Явившись Гейману, Сумарокову и гр. Евдокимову, я, конечно, все разузналъ, и хотѣлъ ѣхать обратно, но графъ Евдокимовъ остановилъ меня: «ну, батенька, сюда вы пріѣхали, а назадъ не смѣйте ѣздить, потому что это опаснѣе». Слушаю, отвѣчалъ я и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ пошелъ на пристань, нанялъ турецкую фелюку, сѣлъ съ двумя гребцами, а третій насъ оттолкнулъ. Что съ нимъ сдѣлалось,—я не видѣлъ, но только онъ въ фелюку не сѣлъ. Опасность была не болѣе минуты до той поры, покуда фелюка не вышла удачно изъ прибоа. Я поднялся по трапу на «Тигра», гдѣ стоялъ Великій Князь со всѣмъ штабомъ, ожидая меня съ нетерпѣніемъ и доложилъ, что война окончена и старшины ждутъ

разрѣшенія переселиться въ Турцію. Въ это время слышу, какъ Мирскій говоритъ: «Comme les cosaques le regardent avec admiration». Не скрою, я надѣялся, что меня пошлютъ курьеромъ съ донесеніемъ въ Петербургъ, но это порученіе досталось другому, болѣе счастливому.

Переселеніе въ Турцію горцевъ было рѣшено и все побережье было раздѣлено на участки. Одинъ изъ такихъ участковъ былъ порученъ мнѣ. Приступая къ переселенію, я распорядился поставить въ разныхъ пунктахъ по 2 роты и составилъ комиссіи изъ офицеровъ подъ предсѣдательствомъ особо назначенныхъ мною штабъ-офицеровъ и несмотря на то, что плата на другихъ дистанціяхъ была назначена по 3 руб. съ человѣка, я назначилъ 1 руб. Чтобы провѣрять хотя приблизительно сколько людей грузится, я ежедневно дѣлалъ около 35 верстъ. Всѣ ожидали, что переселенцевъ будетъ около 50000 душъ, но когда переселилось 20000 и мнѣ было доложено, что больше не садятся, то я поѣхалъ самъ, чтобы узнать причину, почему переселеніе остановилось. Оказалось, что всѣ переселились, все было пусто, остались однѣ собаки. Тутъ я увидѣлъ ужасную картину: нѣсколько человѣкъ больныхъ оспой (тогда тамъ свирѣпствовала эта эпидемія) были брошены своими, оставлены здѣсь въ горахъ и собаки лизали ихъ раны. Уже на «Тигръ» я рѣшилъ проситься въ строй и мнѣ дали 3-й кавказскій стрѣлковый батальонъ. Черезъ три года я получилъ Кабардинскій полкъ. Мнѣ было тогда 32 года. Полкомъ командовать на Кавказѣ было не легко, а въ особенности такимъ, какъ Кабардинскій. Офицеры держали себя самостоятельно, многіе изъ нихъ были гораздо старше меня, очень заслуженные, какъ, напримѣръ, три брата Щелкачевы, изъ которыхъ старшему было 55 лѣтъ и всѣ трое были ревнивые охранители традицій полка. Хорошо командовать полкомъ можно было только держась пословицы «дружба дружбой, а служба службой». У меня ежедневно обѣдало по нѣсколько человѣкъ офице-

ровъ и я разскажу про тѣ изъ нашихъ бесѣдъ, которыя остались у меня въ памяти.

Нашими двумя знаменитыми кавказскими полками когда-то командовали: Куринцами князь Воронцовъ и Кабардинцами князь Барятинскій. Эти славные вожди воспитали и подняли воинскій духъ своихъ полковъ до той степени, когда для воина не существуетъ опасности; при всевозможныхъ неожиданностяхъ, онъ всегда на своемъ мѣстѣ, всегда готовъ къ дѣлу и не теряетъ присутствія духа и распорядительности. Они же возбудили и благородное соревнованіе между обоими полками, возведя его до степени добродѣтели. До чего было развито это соревнованіе и какъ глубоко оно лежало въ сердцахъ офицеровъ этихъ полковъ, свидѣтельствуется слѣдующій случай. Послѣ одного выдающагося дѣла, въ которомъ главную роль играли Куринцы, князь Воронцовъ, бывшій тогда намѣстникомъ Кавказа, радостно подошелъ къ Кабардинцамъ и сказалъ: «какое блестящее было дѣло у Куринцевъ». Черезъ нѣсколько дней такое же превосходное дѣло было и у Кабардинцевъ; но, къ несчастью, въ этомъ дѣлѣ былъ смертельно раненъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ этого полка, капитанъ Нейманъ. Князь Воронцовъ подошелъ къ нему и спросилъ, не имѣетъ ли онъ какой-либо просьбы. Капитанъ Нейманъ посмотрѣлъ на него потухающими глазами, глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Скажите, кто лучше, Куринцы или Кабардинцы».

Князь Воронцовъ, будучи уже и главнокомандующимъ, пріѣхалъ въ Хасавъ-Юртъ (мѣсто стоянки Кабардинскаго полка). Его всегда сопровождалъ камердинеръ итальянецъ Джіованни, по словамъ многихъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ. Увѣряли, что были даже такіе генералы, которые не брезгали подавать ему руку. Однажды, вечеромъ, дежурный по штабу офицеръ пришелъ и обратясь къ этому самому Джіованни сказалъ: «доложи главнокомандующему, что дежурный пришелъ», на что тотъ, не вставая и важно развѣсивъ, отвѣтилъ — «главнокоман-

дующій не принимаетъ». Тогда офицеръ ударилъ его со словами, ахъ ты..., какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать. Джіованни бросился къ главнокомандующему съ крикомъ: «здѣсь насъ бьютъ». Князь Воронцовъ умный и находчивый, тотчасъ понявъ въ чемъ дѣло, отвѣтилъ ему: «тише, тише, Бога ради, тутъ все военные, они насъ убьютъ». О фельдмаршалѣ, князь Барятинскомъ, разговоровъ всегда было много. Это была свѣтлая личность, какія рѣдко встрѣчаются и трудно было кавказцамъ представить себѣ, чтобы его могъ кто-нибудь достойно замѣнить. Но смѣнилъ его Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, который безконечно много сдѣлалъ для Кавказа, котораго весь Кавказъ боготворилъ, и до сихъ поръ память о его управленіи краемъ тамъ жива, какъ хорошее, отрадное воспоминаніе.

О князь Барятинскомъ припоминаю два разсказа. Когда онъ ѣхалъ принимать Кабардинскій полкъ, кто-то далъ ему записку съ совѣтами, какъ вести хозяйство въ полку. Была ли эта шутка, не знаю. Барятинскій, не прочитавъ ее, передалъ квартирмейстеру для руководства. Прошло нѣсколько времени, вдругъ обращается къ Барятинскому женщина съ жалобой, что его свиньи испортили ей огородъ. «Какія свиньи?» удивился Барятинскій и послалъ за квартирмейстеромъ. Тотъ объяснилъ ему, что въ переданной ему запискѣ, между прочимъ, рекомендовалось держать свиней. У Барятинскаго было однажды много гостей и ему доложили, что прибылъ офицеръ съ оказіей; онъ приказалъ ему явиться, пошелъ навстрѣчу и увидалъ такую картину: два солдата вводили подъ руки совершенно пьянаго офицера, бережно прислонили его къ стѣнѣ и ушли въ переднюю. Офицеръ отпортовалъ подошедшему къ нему князю Барятинскому, что оказія прибыла благополучно. Тогда Барятинскій отошелъ нѣсколько шаговъ и оборотаясь къ одному изъ присутствовавшихъ, сказалъ: «мнѣ очень интересно, какъ онъ уйдетъ!» «Благодарю васъ, можете идти», обратился онъ къ офицеру. Тотъ нисколько не стѣ-

снясь, громко скомандовалъ: «Ивановъ, Федоровъ!» И тѣ же два солдата вышли изъ передней, взяли его подъ руки и увели. Во время командованія Кабардинскимъ полкомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, который мало занимался хозяйствомъ, а былъ воистину боевой начальникъ, произошелъ, однажды, такой случай: объѣзжалъ онъ разъ покосы и желая показать, что онъ тоже вникаетъ въ хозяйство, обратился къ командиру нестроевой роты, выслужившемуся изъ нижнихъ чиновъ и замѣтилъ ему, что сѣно, кажется, не хорошо. Офицеръ быстро соскочилъ съ лошади, взялъ клочекъ сѣна, пожевалъ его и сказалъ: «это сѣно не хорошо!? Да его попадья будетъ ѣсть! Нѣтъ, ваше сіятельство, послѣ этого вы зарылись!»

Во время моего командованія полкомъ, Государь Императоръ зачислилъ себя въ ряды Кабардинскаго полка, вслѣдствіе чего была назначена депутація, которая должна была представиться Государю въ Петербургѣ. Депутація состояла изъ полкового командира, штабъ-офицера, командира I-й роты и фельдфебеля I-й роты, который 35 лѣтъ служилъ въ полку и котораго всѣ звали Василиемъ Ивановичемъ. Во главѣ депутаціи сталъ фельдмаршалъ князь Барятинскій и другіе бывшіе командиры Кабардинскаго полка. Государь Императоръ Александръ II-й и Императрица Марія Александровна вышли и сказали каждому изъ насъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Когда Государыня подошла къ фельдфебелю Иванову, онъ обратился къ Ея Величеству со словами: «Удостойте, Ваше Императорское Величество, Вашу ручку поцѣловать» и Государыня милостиво подала ему руку. Онъ же потомъ обратился ко мнѣ, «что, ваше высокоблагородіе, Вы то не удостоились, а я удостоился ручку поцѣловать». Фельдмаршалъ князь Барятинскій былъ въ то время шефомъ Кабардинскаго полка и какъ бывший командиръ того-же полка, никогда не терялъ связи съ полкомъ, любилъ и высоко ставилъ свой полкъ. Это былъ въ душѣ строевой солдатъ. И въ этотъ

разъ депутація наша была имъ обласкана. Помню, какъ при мнѣ ему доложили, что пришелъ генералъ Н. — «Пусть подождетъ», отвѣтилъ онъ и обратясь ко мнѣ добавилъ: «пусть знаетъ, что я сижу съ командиромъ Кабардинскаго полка». Разъ къ нему явился юнкеръ Куринскаго полка и просилъ мѣста, сказавши, что раньше служилъ въ Кабардинскомъ полку, а потомъ перешелъ въ Куринскій. «Вѣрно плохой юнкеръ, сказалъ ему на это князь Барятинскій, если изъ Кабардинскаго полка перешелъ въ Куринскій».

Фельдфебель нашъ, Василій Ивановичъ, былъ помѣщенъ у кн. Барятинскаго. Ему и унтеръ-офицеру, его сопровождавшему, давали даровые билеты въ Императорскіе театры. Однажды, Государь, посѣтивъ Барятинскаго, обратился къ Иванову и спросилъ: «ну, что понравился тебѣ театръ?» «Понравился, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ Ивановъ, но только у насъ въ полку, въ Хасавъ-Юртѣ, солдатскій театръ не хуже, только зданіе развѣ поплосше». Въ то время между офицерами встрѣчались бретеры, которые угрожали надѣлать дерзостей командирамъ частей, а иногда угрозы эти и приводились въ исполненіе. И вотъ подобный случай, бывшій со мной: офицеру Г. за дурное поведеніе было предложено оставить полкъ. Прошеніе объ отставкѣ было имъ подано и лежало въ канцеляріи, а ему былъ данъ трехмѣсячный срокъ для пріисканія другой службы. Однажды, прибѣгаетъ ко мнѣ воинскій начальникъ и докладываетъ, что подпоручикъ Г. напился и угрожаетъ наговорить мнѣ дерзостей и даже убить и что мать его и сестра прислали меня объ этомъ предупредить, такъ какъ онѣ считаютъ его на это способнымъ. Тогда я сказалъ воинскому начальнику: «вы повѣрьте мнѣ на слово, потомъ я вамъ дамъ предписаніе, возьмите четырехъ чело-
вѣкъ съ караула и отведите его на гауптвахту и, если будетъ нужно, то употребите силу». Черезъ полчаса онъ пришелъ до-
ложить мнѣ, что Г. на гауптвахтѣ. Я тотчасъ отправился туда и

обратился къ Г. со слѣдующими словами: «вы хотѣли мнѣ наговорить дерзостей и убить, я знаю, что вы этого не сдѣлаете, но я принимаю это за чистую монету». Стоявшему же тутъ караульному начальнику сказалъ: «будетъ бушевать, связать его по рукамъ и по ногамъ, будетъ кричать, забить ему ротъ — получите объ этомъ предписаніе!» «Я вѣдь офицеръ», замѣтилъ мнѣ Г., «вы еще офицеръ только потому, что Государь Императоръ живетъ въ Петербургѣ, а не въ Хасавъ-Юртѣ. Обо всемъ будетъ мною донесено по начальству», отвѣтилъ я. На другой день братъ его пришелъ просить меня, чтобы дѣло это окончить и не доносить, на что я согласился подъ условіемъ, чтобы онъ подалъ мнѣ рапортъ, въ которомъ благодарилъ бы за энергическія мѣры, принятыя мною вчера и обязывался отнынѣ ни въ Хасавъ-Юртѣ, ни мимо не проѣзжать, а буде проѣдетъ, то поступить съ нимъ какъ съ злоумышленникомъ. Перекладная подѣхала къ гауптвахтѣ и онъ выѣхалъ въ Петровскъ, а прошенію объ отставкѣ данъ былъ ходъ. Этотъ мой поступокъ вызвалъ полное одобреніе моего начальства и лишній разъ оправдалась пословица, что «побѣдителей не судятъ». Ни въ одной арміи полковые командиры не могутъ играть такую выдающуюся роль и такъ вліять на общество офицеровъ, какъ въ русской. Оттого-то только у насъ и существуетъ названіе «отецъ командиръ». До моего предмѣстника командиръ полка былъ музыкантъ и среди офицеровъ появилось много музыкантовъ. Предмѣстникъ мой былъ ярый охотникъ, офицеры забыли музыку и стали охотниками. Я не былъ ни музыкантомъ, ни охотникомъ, а потому невольно любилъ больше службу и всѣ офицеры стали больше отдаваться ей.

Начальство называло меня безпокойнымъ. Слово это растяжимо и скорѣе справедливо было имъ назвать меня непріятнымъ, ибо стоитъ только служить, а не прислуживаться, и тотчасъ явятся и нравственныя и матеріальныя лишенія. Когда я командовалъ еще стрѣлковымъ батальономъ, а тогда батальоны эти находились

въ дивизіи, начальникъ штаба былъ католикъ и всѣ полки и въ томъ числѣ и мой стрѣлковый батальонъ получили бумагу, въ которой говорилось, не пожелаютъ ли нижніе чины пожертвовать ротныя католическія суммы (тогда онѣ существовали) на построеніе новаго костела. Всѣ полковые командиры согласились, исключая меня одного, несмотря на настояніе даже начальника дивизіи. Суммы эти мною были зачислены въ общую образную сумму. Хотя высшее начальство, до свѣдѣнія котораго это было доведено, изъявило мнѣ благодарность и сдѣлало распоряженіе не производить впредь построекъ безъ разрѣшенія, все же это въ послѣдствіи принесло мнѣ много непріятностей. Одинъ начальникъ дивизіи потребовалъ отъ всѣхъ полковъ деньги подъ расписку. Всѣ три полковые командиры дали деньги, я отвѣтилъ, что если получу предписаніе, то исполню, но донесу объ этомъ по начальству. Разумѣется, предписанія такого я не получилъ. Въ послѣдствіи послѣ его смерти казна заплатила 18 тысячъ рублей. И въ послѣдующей моей службѣ мнѣ приходилось встрѣчать начальниковъ, которые свое «я» и «я такъ хочу» ставили выше закона. Убѣжденъ, что за весьма рѣдкими исключеніями, люди, которыхъ аттестуютъ безпокойными, служатъ дѣлу, а не лицу, хотя и знаютъ впередъ, что они отъ этого много проиграютъ.

Г Л А В А III.

Теперь перейду къ 1877 году. Война съ Турціей была уже рѣшена, и Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльно дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ. Какъ командующій войсками Терской области Лорисъ-Меликовъ зналъ меня хорошо и, прибывъ въ Тифлисъ, вызвалъ меня туда. Тутъ, кстати, не могу не припомнить нѣсколько нашихъ съ нимъ бесѣдъ. Тогда, разумѣется, разговоръ шелъ преимущественно о предстоящей войнѣ. Между прочимъ, Лорисъ-Меликовъ говорилъ: «я окружу Карсъ кольцомъ батарей, которыя будутъ бить войска, резервы и жителей и этимъ заставлю ихъ сдаться, тогда какъ они будутъ бить у насъ только батарейную прислугу». На это я ему отвѣтилъ: «ничего изъ этого не выйдетъ, Михаилъ Таріеловичъ, въ Севастополѣ выбивали и до двухъ тысячъ человѣкъ въ день, однако же Севастополь не сдавался». Раньше еще, будучи командующимъ войсками Терской области, но уже тогда мечтая о болѣе широкой дѣятельности, Лорисъ-Меликовъ спросилъ меня однажды въ разговорѣ, могъ-ли бы я быть министромъ. «Конечно», отвѣчалъ я, «вотъ столоначальникомъ былъ-бы плохимъ, а министромъ хоть сейчасъ». Тогда онъ разсмѣялся, а впослѣдствіи, когда я былъ членомъ верховной комиссіи, а онъ болѣе чѣмъ министромъ, я напомнилъ ему этотъ разговоръ. «Ну, братъ, я тогда не думалъ, что это такъ легко», отвѣтилъ онъ мнѣ.

Пріѣхавши, однажды, въ Владикавказъ, я засталъ его обло-

женнымъ кругомъ строевыми уставами. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Вотъ, занимаюсь изученіемъ строевого дѣла».

«Не трудитесь, Михаилъ Таріеловичъ», отвѣчалъ я, «все равно передъ фронтомъ на конѣ вы никогда не будете какъ дома». Наконецъ война была объявлена и изъ 20-й дивизіи былъ назначенъ сборный полкъ, изъ стрѣлковыхъ батальоновъ 4-хъ полковъ подъ моимъ начальствомъ, но вспыхнувшее въ Терской области возстаніе помѣшало привести это въ исполненіе. По настоянію командующаго войсками Терской области мы должны были остаться тамъ, такъ какъ у него оставалась одна только дивизія и та по мирному положенію. Впослѣдствіи событія оправдали это распоряженіе, — сидѣть сложа руки намъ не пришлось, почти вслѣдъ за объявленіемъ войны вспыхнуло возстаніе горцевъ Терской области, во время котораго я, будучи командиромъ полка, былъ также и начальникомъ округа и впослѣдствіи начальникомъ отдѣла.

Весной 1877 года, на одномъ изъ ученій стрѣлковаго батальона, ко мнѣ подбѣжалъ квартирмейстеръ поручикъ Рыжковъ и доложилъ, что горцы возстали, убили начальника округа подполковника Пѣтухова и ранили помощника его капитана Юзбашева. Стрѣлковому батальону было мною приказано прекратить ученіе и приготовиться немедленно къ походу. Черезъ нѣкоторое время получена была записка изъ канцеляріи округа, въ которой говорилось: послать одну или двѣ роты въ передовыя укрѣпленія Кишень-Аухъ, гдѣ лежалъ раненый капитанъ Юзбашевъ. Я распорядился, чтобы командиръ 1-й стрѣлковой роты выступилъ туда черезъ полчаса. Вслѣдъ же за этимъ прибыла вторая записка изъ канцеляріи округа, въ которой меня, какъ командира полка, просили принять на себя должность начальника округа. Вступивъ въ управленіе округомъ, я отмѣнилъ выступленіе роты и приказалъ собрать народъ къ 10 часамъ утра около Кишень-Ауха, куда и выѣхалъ на слѣдующій день. Меня многіе тогда уговаривали этого не дѣлать, но я настоялъ на своемъ. Непріятельскіе

аванпосты, какъ мы ихъ тогда называли, вездѣ пропускали насъ, поглядывая лишь искоса. Приѣхавъ въ укрѣпленіе, около котораго стояла огромная толпа горцевъ, навѣстивъ раненаго Юзбашева и разспросивъ его о подробностяхъ, я верхомъ выѣхалъ къ народу и обратился къ нимъ черезъ переводчика со слѣдующими словами: «Я человѣкъ военный, хитростей ихъ не знаю, на ихъ вопросы буду отвѣчать прямо и правдиво и того же ожидаю и отъ нихъ. Пусть говорятъ, чѣмъ недовольны». На это выборные отвѣтили: «не мы, а народъ говоритъ, что будутъ насъ брать въ солдаты, обложить налогомъ на скотину, на курицу, наконецъ, отберутъ землю» (тогда производилось межеваніе). «Въ солдаты васъ брать не будутъ, отвѣтилъ я, потому что какіе же вы солдаты—дрянь, а въ милицію можетъ быть возмуть. Всѣ разговоры о налогахъ—пустяки, бѣднѣе теперешняго не будете, а если разбогатѣете,—возмуть. Земли отбирать не будутъ уже потому, что между вами русскіе не живутъ, да если бы я былъ вашимъ начальникомъ, не сталъ бы вовсе размежевывать, а пусть вы и ваши дѣти поряты другъ друга кинжаломъ за спорныя земли». Въ заключеніе я прибавилъ: «командующій войсками большой человѣкъ, но народъ еще большій человѣкъ, командующій войсками можетъ не узнать, кто убійцы подполковника Пѣтухова, а народъ навѣрно узнаетъ, а потому, если черезъ 10 дней не будутъ выданы убійцы, я приду съ войсками и съ вами поступать жестоко». До назначеннаго мною срока виновные были выданы, военнымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, что и было приведено въ исполненіе въ Хасавъ-Юртѣ. Присутствуя въ первый разъ при казни, меня поразило спокойствіе, съ которымъ эти люди умирали. Не буду говорить объ историческихъ общихъ возстаніяхъ,—они рѣдки; при обыкновенныхъ же смутахъ всегда бываютъ три партіи: одна желаетъ возстать, другая нѣтъ, а третья—нейтральная, и лицо, которому поручено усмиреніе, должно себѣ уяснить, которую изъ трехъ

партіи ему выгоднѣе поддерживать, чтобы воспользоваться ею впослѣдствіи. Покойный генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, умѣвшій управлять кавказскими народностями, какъ никто (онъ былъ тонкій сердцеѣдъ), оцѣнилъ достигнутый мною успѣхъ и донесъ главнокомандующему, что если-бы рота была двинута, партія, разжигающая возстаніе, непременно бы восторжествовала. Усмиреніе возставшихъ, охраненіе оголенныхъ станицъ при мирномъ составѣ 20-й пѣхотной дивизіи, въ виду войны съ Турціей, было дѣломъ труднымъ, но не показнымъ. Исторія со временемъ это разберетъ. Я имѣлъ много кунаковъ между горцами и они предупреждали меня, что возстаніе разгорится. Я написалъ объ этомъ командующему войсками, генералу Свистунову, и просилъ у него, по крайней мѣрѣ, сотню въ помощь, но получилъ отказъ, такъ какъ онъ не вѣрилъ въ серьезное возстаніе. А между тѣмъ оно скоро дало себя знать.

Однимъ изъ первыхъ его проявленій было открытое нападеніе на табунъ подъемныхъ и артельныхъ полковыхъ лошадей. Дѣло было такъ: партія конныхъ горцевъ убила двухъ вооруженныхъ конныхъ обозныхъ и угнала около 250 казенныхъ лошадей. Извѣстіе это застало меня въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ у меня не было ни одного верхового или казака. Къ счастью, мнѣ блеснула удачная мысль послать конныхъ татаръ въ ближайшіе аулы и объявить имъ, что казенныхъ лошадей угнали черезъ ихъ землю и что это не могло обойтись безъ ихъ участія, а потому отвѣтственность возлагается на нихъ и войска уже выступаютъ. Въ это же время я приказалъ тремъ батальонамъ двинуться по тремъ направленіямъ. На Кавказѣ сборы коротки — черезъ 20 минутъ батальоны выступили, несмотря на сумерки, съ веселыми пѣснями. Испуганные этимъ движеніемъ жители ближайшихъ ауловъ вскочили на коней, догнали шайку мятежниковъ и къ утру всѣ лошади были доставлены въ Хасавъ-Юртъ.

Вскорѣ я получилъ слѣдующую телеграмму отъ командующаго войсками: нельзя-ли вамъ прїѣхать въ Умаханъ-Юртъ. Я тотчасъ же отправился туда. Свистуновъ встрѣтилъ меня словами: «Командиры Навагинскаго и Куринскаго полковъ требуютъ оставить по два батальона отъ каждаго для охраны штабовъ. Изъ чего же мы составимъ дѣйствующій отрядъ? Сколько вы можете вывести штыковъ въ поле?» Я отвѣчалъ — «двѣ роты въ укрѣпленіе Кишень-Аухъ, двѣ роты въ укрѣпленіе Герзель-аулъ, двѣ роты, сотню и два орудія для защиты Хасавъ-Юрта, но они могутъ дѣйствовать внѣ его, неподалеку, какъ подвижной резервъ; ограду Хасавъ-Юрта защищать будутъ слишкомъ сто человѣкъ инвалидной роты, около ста человѣкъ больныхъ изъ госпиталя и столько же отставныхъ солдатъ, которымъ розданы ружья, а потому по вашему приказанію могу вывести въ поле 12 ротъ — 1200 штыковъ». Генералу понравился мой отвѣтъ, онъ принадлежалъ къ числу начальниковъ, которые любятъ выслушивать мнѣнія своихъ подчиненныхъ и обратился ко мнѣ еще съ нѣсколькими вопросами. Прежде всего я доложилъ ему, что теперь нельзя предвидѣть размѣровъ, которые приметъ возстаніе, а потому нужно испросить кредитъ для устройства лазаретовъ, постройки печей для сушки сухарей и проч... (Печи эти сослужили впослѣдствіи службу не только въ Терской области, но и въ Дагестанѣ). Свистуновъ назначилъ меня начальникомъ отряда, и впослѣдствіи начальникомъ отдѣла, несмотря на то, что другіе командиры полковъ были старше меня и далъ мнѣ большія полномочія.

Никто не можетъ себѣ представить положеніе начальника во время народнаго возстанія; въ такой мѣстности тревожные слухи получаютъ ежедневно, угрозы всякаго рода утомляютъ вниманіе и требуютъ большой осторожности и умѣнія отличить ложный слухъ отъ достовѣрнаго. Не будь во главѣ возстанія, можно сказать, мальчишка 23-лѣтній Алибекъ, не понимавшій ни воен-

наго дѣла, ни тогдашняго положенія, многимъ отрядамъ и укрѣпленнымъ пунктамъ пришлось бы пострадать. Возвратясь въ Хасавъ-Юртъ, я потребовалъ къ себѣ батальонныхъ командировъ подполковниковъ Григоровича, Щелкачева, Козловскаго и Коленко, все люди испытанные въ бояхъ. «Помните, господа», сказалъ я имъ, «что 10 убитыхъ горцевъ не стоятъ одного нашего солдата и дадимъ другъ другу слово доносить только одну истину». И Кабардинцы держали слово.

Подробности возстанія и мѣры, принятыя къ его подавленію, я выдѣляю въ особое маленькое приложение, такъ какъ онѣ могутъ интересовать только военныхъ.

Когда возстаніе видимо приходило уже къ концу, въ одинъ прекрасный день всѣ главари его явились ко мнѣ съ повинной. Не было между ними только Алибека,—онъ былъ перехваченъ начальникомъ Ичкеринскаго округа княземъ Аваловымъ. Я принялъ ихъ у себя въ кабинетѣ и, по мѣстному обычаю, всѣмъ подавъ руку. Послѣ привѣтствія и приглашенія садиться, они какъ-то безпокойно стали озираться и посматривать на окна. Замѣтивъ это, я имъ сказалъ: успокойтесь, вы добровольно пришли ко мнѣ и свободно уйдете отсюда... Для чего вы возстали? «Судьба» отвѣтили они мнѣ вздыхая и поднимая глаза къ небу. А ко мнѣ вы зачѣмъ пришли? «Хотимъ теперь служить тебѣ», отвѣчали они. Хорошо, сказалъ я, отъ васъ я потребую немного, а именно: чтобы не было абрековъ. Вамъ же ничего не могу обѣщать, кромѣ жизни. Объ этомъ только я и буду просить командующаго войсками. Согласно дисциплины я не могу васъ представить своему начальству иначе, какъ арестованными, поэтому, если желаете, идите на гауптвахту. Я отвѣчаю за вашу свободу... Они добровольно исполнили мое требованіе. Когда пріѣхалъ командующій войсками, я подробно доложилъ ему о добровольныхъ арестантахъ и онъ согласился даровать имъ жизнь. Эту радостную вѣсть онъ и объявилъ имъ при своемъ посѣщеніи. Главари эти, выпущен-

ные на свободу, въ значительной степени содѣйствовали мнѣ въ моихъ дальнѣйшихъ движеніяхъ по возставшимъ мѣстностямъ и своимъ вліяніемъ способствовали тому, что абрековъ у насъ не осталось. При каждомъ движеніи я ихъ бралъ съ собой, чтобы возставшіе жители видѣли, что ихъ главари находятся при мнѣ и мнѣ служатъ. Я всегда пользовался довѣріемъ горцевъ, потому что держалъ свое слово и никогда не арестовывалъ добровольно приходившихъ ко мнѣ повстанцевъ, какъ это дѣлали другіе. Массовыя переселенія я не одобрялъ и всегда боролся противъ этого приѣма. Однажды, я получилъ отъ генерала Свистунова такую телеграмму: «Почему вы настаиваете на томъ, чтобы не переселять? Отъ меня требуютъ объясненій». Я отвѣчалъ: во-первыхъ не человеколюбиво, потому что большинство переселенцевъ внѣ родины умираетъ, во-вторыхъ — переселеніе слишкомъ дорого обходится и въ-третьихъ, оно не приноситъ желаемой пользы, доказательствомъ чему служить Дагестанъ, гдѣ переселеніе и возстаніе смѣняютъ другъ друга по очереди, а между тѣмъ переселеніе, напримѣръ, тысячи семействъ стоитъ правительству около 1.000,000 руб. Переселять массами, значитъ, напрасно тратить деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ губить десятки тысячъ людей.

Въ 1877 году я былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ командиромъ бригады и отправился подъ Карсъ, куда прибылъ уже по заключеніи перемирія. Смертность тамъ отъ тифа была ужасная, особенно подъ Эрзерумомъ, гдѣ едва успѣвали закапывать трупы. Болѣзнь эта наводила настоящую панику. Мнѣ пришлось видѣть героев военнаго дѣла, которые приходили въ ужасъ отъ одной мысли о тифѣ. Генераль Р. уѣхалъ по болѣзни въ Москву и я остался за начальника дивизіи, которая была впослѣдствіи переведена въ Бессарабію. Но что это была за дивизія, когда въ ней налицо состояло едва 5 тысячъ человѣкъ.

Заканчивая на этомъ свои записки, такъ какъ о дальнѣй-

шемъ еще не наступило время писать, я наклонѣ лѣтъ, прослужа болѣе полвѣка въ строю, считаю себя вправе сказать нѣсколько словъ въ назиданіе молодому поколѣнію: служба вѣрой и правдой одному только Царю и Отечеству приносить много нравственныхъ и матеріальныхъ невзгодъ, но за все это человѣкъ сторицей вознаграждается, когда, достигнувъ преклоннаго возраста, онъ смотритъ на жизнь не какъ на шутку и забаву и сознаетъ, что онъ по мѣрѣ силъ и возможности исполнилъ свой долгъ.

Къ возстанію въ Терской области въ 1877 г. ¹⁾.

Чтобы примѣрно наказать аулъ Зандакъ (онъ всегда пользовался вліяніемъ), я съ тремя батальонами выступилъ изъ Хасавъ-Юрта, съ цѣлью сжечь его, а также и посѣвы и этимъ показать примѣръ, какъ будутъ поступать со всеми аулами, которые примкнутъ къ возставшимъ. По дорогѣ я былъ встрѣченъ выстрѣлами, которые давали мнѣ еще большее право поступать жестоко съ ауломъ. Къ несчастію, приближаясь къ аулу, я получилъ съ нарочнымъ телеграмму отъ командующаго войсками, въ которой передавалось распоряженіе главнокомандующаго ауловъ не разорять, такъ какъ это увеличить число абрековъ. Приказаніе было исполнено, но, по-моему, такой взглядъ былъ ошибоченъ. Впослѣдствіи, когда намъ были развязаны руки и когда генералъ Смѣкаловъ въ Ичкеріи находился въ затруднительномъ положеніи, я, чтобы подать ему помощь, испросилъ телеграммой у командующаго войсками, какой аулъ нужно уничтожить и получилъ отвѣтъ: «желательно наказать аулъ Мискиты». Распустивъ слухъ, что иду жечь аулъ Зандакъ, я черезъ два дня сжегъ аулъ Мискиты и возвратился по другой дорогѣ на Герзель-ауль, сдѣлавъ распоряженіе собрать старшинъ. Я объявилъ имъ: «Будетъ ли васъ жечь Алибекъ, не знаю, но я безпощадно буду уничтожать всякій возмутившійся аулъ и мнѣ это легко сдѣлать, потому что вы никогда не будете знать куда я пойду». Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ опять явились старшины

¹⁾ См. Отчетную карту. Прилож. № 1.

и выборные аула Мискиты и просили разрѣшенія вновь имъ строиться на томъ же мѣстѣ, что, конечно, мною было дозволено.

Дѣло подъ Кожель-Генъ-Дукомъ ¹⁾.

Вскорѣ получилъ я извѣстіе, что Алибекъ занялъ гору Кожель-Генъ-Дукъ. Гора эта покрыта папоротникомъ выше роста человѣка. Такъ какъ тамъ никогда еще не бывало ноги русскаго человѣка, то мѣсто это Алибеку казалось неприступнымъ и по центральному своему положенію весьма удобнымъ, чтобы возмущать аулы. Свободныхъ было два Кабардинскихъ батальона — съ ними-то я и выступилъ противъ Алибека. Подойдя къ Кожель-Генъ-Дуку, я остановился на ночлегъ бивакомъ. Отъ непріятеля насъ отдѣляла рѣка Ярманъ-Су. Здѣсь я засталъ около тысячи горцевъ подъ названіемъ «мирныхъ». На самомъ дѣлѣ они ожидали чѣмъ кончится дѣло, чтобы, въ случаѣ нашей неудачи, тотчасъ броситься на насъ. Они расположились тыломъ къ оврагу, рассчитывая, что если я ихъ буду арестовывать, то имъ будетъ легко и удобно туда броситься.

Въ тотъ же день пріѣхалъ и князь Аваловъ, начальникъ Ичкеринскаго округа. Въ разговорѣ съ нимъ я сказалъ, что завтра утромъ прогоню Алибека съ Кожель-Генъ-Дука. Онъ выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ. Надо сказать, что въ это возстаніе старые, испытанные кавказцы, которые бывали, что называется «въ закруткахъ», оказались далеко нерѣшительными ²⁾, большую рѣшимость, напротивъ, проявляли тѣ, которые въ бояхъ никогда не бывали.

На другой день, попросивъ къ себѣ полковника Козловскаго, я сказалъ ему: «Вашъ батальонъ я назначаю занять Кожель-

¹⁾ См. приложение № 2.

²⁾ Вѣроятно это объясняется воспоминаніемъ объ ужасныхъ потеряхъ, которыя несли русскія войска на Кавказѣ при прежнемъ плохомъ вооруженіи.

Генъ-Дукъ». Это былъ вполнѣ боевой и распорядительный офицеръ, а потому не нуждался въ указаніяхъ. Онъ тутъ же приказалъ одной ротѣ итти въ цѣпь, другой по-полуротно въ поддержку, а двѣ остальные роты назначилъ въ резервъ. Какъ теперь помню, князь Аваловъ, который такъ сомнѣвался въ успѣхѣхъ, прилегъ на землю и ни слова не сказалъ до окончанія дѣла. Послѣ получасовой жаркой перестрѣлки, мы ясно увидѣли, какъ звенья нашихъ ротъ стали показываться на самой вершинѣ горы Кожель-Генъ-Дукъ.

Тутъ на практикѣ подтвердилось, какъ важна подготовка въ мирное время старшихъ въ звеньяхъ въ томъ духѣ, что они отвѣчаютъ головой за свое звено. Эта-то подготовка и дала намъ въ данномъ случаѣ полный успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ ⁴⁾.

Преслѣдовать Алибека не было никакой возможности и я удовольствовался тѣмъ, что нанесъ ударъ его вліянію. Теперь оставалась забота возвратиться по возможности безъ потерь. Въ кавказской войнѣ составляли силу не столько сами горцы, сколько ихъ удивительная способность вѣрно оцѣнивать значеніе мѣстности въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніи. Главное же бремя этой войны составляли раненые, которыхъ нельзя было оставлять, поэтому колонны быстро таяли и растягивались. Хотя дорога, по которой я пришелъ и была самой удобной, но возвратиться по ней было невозможно. Непріятель, зная мой маршрутъ, навѣрное собрался-бы въ значительномъ количествѣ на этой дорогѣ, создалъ-бы мнѣ серьезное препятствіе и причинилъ бы уронъ. Поэтому я избралъ знаменитую дорогу на Герзель-аулъ, по которой возвращался князь Воронцовъ въ 1845 году, послѣ Даргинской экспедиціи. Дорога эта шла по берегу горной рѣки и могла быть легко обстрѣливаема съ горъ на всемъ своемъ протяженіи. Но непріятель не ожидалъ, что нами будетъ избрана эта

⁴⁾ Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли 17 человекъ.

дорога и сталъ показываться на горахъ только тогда, когда опасныя мѣста были уже нами пройдены. Мы возвратились въ Хасавъ-Юрть съ потерей только двухъ человѣкъ.

Дѣло подѣ Ахташъ-Аухомъ ¹⁾).

Чтобы поддержать смѣлое движеніе генерала Свистунова черезъ всю Ичкерію, я рѣшился выступить въ аулъ Зандакъ. Передъ выступленіемъ я созвалъ всѣхъ старшинъ ауховцевъ и салатавцевъ и спросилъ, спокойно-ли у нихъ. Отвѣтъ былъ утвердительный. Старшины даже ручались за спокойствіе, о чемъ я и донесъ командующему войсками. Но достаточно было Алибеку показаться въ Салатавіи, какъ возстаніе вспыхнуло повсемѣстно. Извѣстіе объ этомъ застало меня въ Зандакѣ. Я чувствовалъ себя весьма неловко, потому что черезъ два дня послѣ донесенія о спокойствіи, мнѣ приходилось доносить уже о возстаніи салатавцевъ и ауховцевъ. Въ Зандакѣ со мной было три батальона. Одинъ я оставилъ тамъ для подкрѣпленія генерала Свистунова, а съ двумя двинулся къ Ахташъ-Ауху съ цѣлью быстрымъ движеніемъ потушить возстаніе въ самомъ началѣ, о чемъ я и донесъ командующему войсками вмѣстѣ съ донесеніемъ о возстаніи. Во всякомъ случаѣ, я рассчитывалъ, что если буду стоять у Ахташъ-Ауха, то не дамъ распространяться возстанію съ этого пункта по другимъ ауламъ. Ахташъ-Аухъ самый большой и вліятельный аулъ, дававшій то или другое настроеніе всему обществу,—онъ одинъ могъ выставить приблизительно тысячу ружей, которыя, такимъ образомъ, были парализованы моимъ присутствіемъ. Дорога въ Салатавію идетъ черезъ Юрть-Аухъ; между Ахташъ и Юрть-Аухами крутая балка съ рѣчкой на днѣ. Дорога по этой балкѣ легко могла быть обстрѣливаема съ горъ; на переходѣ съ войсками черезъ эту балку требовалось не менѣе часа времени. Въ Юрть-Аухъ, жители котораго, какъ возставшіе, раз-

¹⁾ См. приложение № 2.

бѣжались, я перешелъ съ обоими батальонами. Оттуда я намѣревался идти въ Салатавію для ея усмиренія. Дѣло было къ вечеру и я расположился бивакомъ подъ Юртъ-Аухомъ на ночлегъ. На другой день съ разсвѣтомъ мы увидѣли по дорогѣ къ укрѣпленію Буртунай двѣ конныя толпы возставшихъ. Каждая толпа была приблизительно въ кавалерійскій регулярный полкъ, пѣшихъ не было видно. На горѣ, возвышавшейся надъ Юртъ-Аухомъ, развѣвался значекъ Алибека. Для того, чтобы двинуться, какъ я предполагалъ, противъ салатавцевъ, мнѣ необходимо было обезпечить себя со стороны Ахтанъ-Ауха и устроить такъ, чтобы жители этого послѣдняго не присоединились къ Алибеку. Для этого я потребовалъ отъ ауховскихъ старшинъ прислать мнѣ якобы въ помощь противъ салатавцевъ 150 человекъ пѣшихъ съ ружьями въ стрѣлковую цѣпь. Эти люди послужили бы заложниками и обезпечили бы спокойствіе ауховцевъ. Старшины обѣщали исполнить мое требованіе, но люди высланы не были.

Тогда я рѣшился отойти обратно къ Ахтанъ-Ауху и дожидаться тамъ отряда командующаго войсками. Въ это время подходитъ ко мнѣ командиръ 2-й стрѣлковой роты поручикъ Скорин¹⁾, никогда до этого не бывавшій въ дѣлахъ, и говоритъ: «позвольте мнѣ, полковникъ, прогнать Алибека съ вершины горы». Я согласился, но командиръ стрѣлковаго батальона, о которомъ я уже упоминалъ, какъ объ отличномъ и распорядительномъ боевомъ штабъ-офицерѣ, полковникъ Козловскій просилъ меня отменить это разрѣшеніе, полагая, что изъ этого ничего, кромѣ потерь, не выйдетъ. Однако, я остался при своемъ. Рота Скорино открыла убійственный огонь изъ ружей Карле, еще незнакомыхъ горцамъ, и не прошло четверти часа, какъ мы уже увидѣли, что ихъ папахи, виднѣвшіяся прежде очень ясно, постепенно стали скрываться за хребтомъ. Тогда я послалъ еще одну роту на под-

¹⁾ Скорин^о во время Ахаль-Текинской экспедиціи былъ изрубленъ текинцами въ куски.

крѣпленіе и гора скоро была занята. Послѣ этого я быстро снялъ свой отрядъ съ бивака и приказалъ переходить балку въ обратномъ направленіи къ Ахташъ-Ауху. Салатавцы, ожидавшіе, что мы будемъ двигаться впередъ, обманутые въ своихъ расчетахъ, быстро бросились къ намъ и настигли только двѣ роты, прикрывавшія отступленіе. Во время перехода черезъ балку, эти двѣ роты въ теченіе получаса потеряли 17 человекъ. Если бы я двинулся впередъ въ Салатавію, на что и рассчитывали возставшіе, то мнѣ пришлось бы все-таки отступить передъ общей и значительной ихъ силой, при чемъ непріятель занялъ бы нашъ путь отступленія и наши потери были бы весьма значительны. Теперь же я стоялъ подъ Ахташъ-Аухомъ на наиболѣе удобномъ и высокомъ мѣстѣ и спокойно ожидалъ генерала Свистунова съ главнымъ отрядомъ. Знакомый старшина пригласилъ меня къ себѣ въ саклю и предложилъ угощеніе. Но завтракъ нашъ былъ скоро прерванъ приходомъ начальника округа, который вызвалъ меня изъ сакли и сообщилъ, что сейчасъ молодые ауховцы хотѣли захватить меня со штабомъ и только старшіе остановили это, связавши молодежь и бросили ихъ въ подвалъ. Въ это же время салатавцы стали подкрадываться все ближе и ближе и, наконецъ, открыли огонь по отряду. Я тотчасъ велѣлъ подвезти четыре орудія къ Ахташъ-Ауху и объявилъ старшинамъ, что при первомъ раненомъ приказу стрѣлять по аулу. Старшины тотчасъ же при помощи переговоровъ прогнали салатавцевъ. На слѣдующій день прибылъ генералъ Свистуновъ. Салатавія, испуганная появленіемъ столь значительнаго отряда, покорилась безъ выстрѣла и возстаніе прекратилось. Здѣсь повторилось обыденное явленіе: при всякаго рода возмущеніяхъ, бунтахъ и возстаніяхъ, тамъ, гдѣ выдвигалось много войскъ и была на виду значительная подавляющая сила, кровопролитія не было, а если и было, то весьма незначительное. Большая военная сила дѣйствуетъ всегда однимъ своимъ видомъ успокоительно на толпу.

ОТЧЕТНАЯ КАРТА

къ ВОЗСТАНИЮ въ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ въ
1877 году.

Дѣло подъ Ахташъ-аухомъ.

